

Игорь Берг

СТЕПНЫЕ ВОЛКИ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Военные приключения

Игорь Берг

Степные волки

«ВЕЧЕ»

Берег И. В.

Степные волки / И. В. Берег — «ВЕЧЕ», — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4484-7782-9

Четыре журналиста бесследно пропали в степной республике. На их поиски отправляется бывший офицер-десантник, а ныне «специалист особого рода» Денис Ознобин. Но что-то неладно в Байчории. Неизвестно зачем строится гигантский аэропорт, президент задумал устроить «маленький Лас-Вегас» в своей столице, вокруг него крутятся темные личности, а сам глава республики ведет себя неадекватно. В общем, есть с чем разбираться, но... Так уж выходит, что только поиском дело не ограничивается, и приходится Ознобину вступить в смертельно опасную схватку... Новая книга признанного мастера отечественной остросюжетной литературы, лауреата премии «Во славу Отечества».

ISBN 978-5-4484-7782-9

© Берег И. В.
© ВЕЧЕ

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Игорь Берг

Степные волки

Глава 1

Часы на крыше одного из зданий, что окружали центральную площадь, показывали ровно полдень. Здесь время было московским. Для удобства граждан. А вот местные власти причиняли неудобства как гражданам, так и Москве. Слишком строптив и самонадеян был избранный всего три года назад президент этой маленькой республики – молодой и крайне удачливый бизнесмен, который по примеру всех «новых русских» не ограничивал свои аппетиты, занимался золотом и нефтью, алюминием и консервами, оружием и медикаментами. Короче, тем, что приносило быстрый и легкий доход, не требуя больших первоначальных капиталов. Окруженный преданными телохранителями, он не боялся наемных убийц, многочисленные друзья в высших эшелонах власти, с которыми он делился частью своих прибылей, прикрывали от налоговых служб, а приятели-партнеры по всему миру помогали заключать сделки, о которых страшно было говорить громко в любом кругу. Только шепотом, с оглядкой: «Ты слышал, что он на этот раз отчудил?...» – «Да ты что! Теперь точно погорит! Стопроцентно!» – «Ничего подобного. Сам Б.Н. визу поставил». Будущий президент республики любил и умел рисковать. Сколько раз окружающим казалось, что все, завтра в газетах появятся некрологи. Ан нет. Проходила неделя, месяц и новая сделка затмевала предыдущую. Он всегда выходил сухим из воды, из грязи, из расплавленного металла.

И от своей неуязвимости постепенно стал неосторожен и самонадеян. Хотелось большего, чем деньги. Хотелось власти. Но ведь власть можно купить! И он купил ее, пообещав своим избирателям рай на земле в самом ближайшем будущем. Рай в одной отдельно взятой республике. Люди, которых целыми днями обрабатывали купленные им телевидение и радио, которые перед самыми выборами получили бесплатно по пачке сливочного масла и по буханке хлеба, поверили ему и пришли на избирательные участки. Игра была сделана. Он стал президентом. Конечно, в результате этого он стал и богаче. Но сколько именно у него денег, не знал никто. Даже самые близкие друзья, даже родственники. Иногда казалось, что и сам он этого не знает.

Он достиг вершины. Республика была у его ног. Следующим шагом могло стать объявление себя живым богом. Но пока делать это было еще рано. Может быть, когда-нибудь потом... Да и так ли хорошо жилось богам? Им приходилось заниматься людскими судьбами. А вот императору нет никакого дела до подданных. Для заботы о них есть государственный аппарат, вышколенный и верный. Главное – подобрать надежных людей, угадать, кто из них не предаст, не отвернется.

Именно императором он себя и чувствовал, хотя носил до поры до времени скромный президентский титул. Дань демократическим веяниям. Что поделаешь? Пусть народ пока поиграет в демократию, ему полезно несколько расслабиться перед тем, как вновь затянуть потуже пояса и склониться до земли в поклоне.

Власти без оппозиции не бывает. Но при демократической власти и оппозиция открытая, вопящая во весь голос. Не то чтобы ему особенно досаждали те несколько выходящих в республике газет, которые открыто называли его императором и предсказывали, что, как Нерон, он в конце концов сожжет свой Рим. Неприятно, да, но не смертельно. Он даже не стремился их закрывать, запретил это делать своим людям. Пускай тешатся. Да и дымовая завеса, которую создавало само существование этих газет была полезна: Москва видела, что оппозиция есть, и считала, что она не даст ему зарваться, взять себе столько власти, сколько захочется. Пусть, пусть...

Но всегда среди умных людей затешется несколько дураков. Преданных, исполнительных, однако глупых, не умеющих смотреть далеко. Нашлись такие и у него. Убийство двух журналистов эхом прокатилось по стране. Убийц схватили, и он без малейшего колебания отдал их, хотя были они с ним давно и преданность свою доказывали не раз. Дуракам не место у подножия трона! Для этого есть шуты, о которых все знают, что они дураки. Он не смог простить сделанной глупости и отдал своих приближенных.

Увы, последние события нельзя списать на чью-то глупость. Пропала целая бригада борзописцев – четыре человека. И не каких-нибудь местных, а приехавших из столицы по его приглашению. Нужно было начинать рекламную кампанию строительства нового аэропорта. Мощного, современного, способного принимать десятки «боингов» и Илов. Пусть никто пока не догадывается, зачем маленькой республике такой аэропорт. Пусть это станет для всех неожиданностью. Особенно для Москвы...

Писаки приехали, в тот же день встретились с президентом, хорошо угостились на его загородной вилле, задачу поняли и со следующего дня должны были приступить к работе. И пропали. Народный писатель, живший в роскоши и довольстве только потому, что президент своим указом дал ему звание народного и осыпал благами, попусту прождал столичных гостей в своем особняке. Не появились они и к вечеру, не нашлись и на следующий день. И через неделю. Предположили было, что журналистов похитили политические противники или какая-нибудь банда с чеченской территории ради выкупа. Такие истории случались. Но никто не выдвигал никаких условий. Никто не требовал от президента уйти с поста, никто не хотел тысяч долларов или миллионов рублей. Специальные подразделения буквально прочесали всю невеликую территорию республики, каждую лоштинку, каждый холмик, каждое озерцо. Москвичи как в воду канули. Предчувствуя, что Центр этого так не оставит и обязательно пришлет сюда своих поисковиков, президент решил сделать упреждающий шаг и сам позвонил в Москву. Лучше знать, чем заняты приезжие, и в случае чего, если сунут нос куда не полагается, мягко, но настойчиво рекомендовать, чтобы занимались своим делом, не отвлекались на постороннее. Оставалось ждать приезда гостей...

Глава 2

Я поднял голову, посмотрел на часы. Полдень. На моем «Ориенте» было столько же. Пора немного подкрепиться, а заодно и осмотреться. В таком относительно небольшом городе, как столица этой республики, равном по населению обычному районному центру, каждый новый человек вычисляется очень быстро. Ну что же, я и не пытался скрываться. Легенда моя должна была выдержать любую проверку. Не в первый раз.

Ну, где у них здесь приезжие питаются? Вот, похоже, то, что мне нужно. Небольшое и на вид уютное кафе с банальным названием «Полет». Посмотрим, как тут встречают гостей.

Встречали отменно. Толстые тетки за стойкой были радушны и говорливы. Когда я поинтересовался, что они мне могут предложить, желательно из местных национальных блюд, тетки оживились и выдали большую тарелку с чем-то напоминающим пельмени, но сильно увеличенные. Назывались эти пельмени так странно, что я просто не смог выговорить, испугавшись, что вывихну челюсть. И это при моих лингвистических способностях! Правда, местный президент даже японский знает, далеко мне до него. И миллиона ни одного нет. Что гораздо более прискормно, чем незнание японского языка...

Под эти макси-пельмени тетки посоветовали взять сто граммов, и я не отказался. Все-таки холодно было на улице изрядно. Не спеша перекинулся с хозяйшками парой ничего не значащих фраз, спросил, как долго по их мнению будут держаться морозы, получил неутешительный ответ, что холода только еще начинаются и, забрав тарелку и стакан, приземлился за столиком в углу, у паровой батареи. Не хватало мне еще глупо расспрашивать у первых встречных, не встречались ли им четыре пьяных московских журналиста? Все в свое время.

Пельмени оказались ничего себе, только есть было не очень удобно: целиком в рот не засунешь, а ножей здесь, по-видимому, сроду не водилось. Я расковыривал каждый из них общепитовской алюминиевой вилкой и размышлял о том, с чего же мне начинать поиски.

– Ты поедешь туда и найдешь их, – сказал мне позавчера шеф.

Я молча кивнул. Если есть что-то важное, шеф и сам расскажет. Ну а мелочи узнаю сам.

– Параллельно с тобой начнет работать официальная группа. Но ты ни при каких обстоятельствах не должен с ними контактировать. Скорее всего, их будут плотно пасти люди президента. Тебе в «коридорах власти» появляться нельзя. Действуй строго в рамках легенды. Вот, читай.

Он протянул через стол три голубоватый листка, сшитых металлической скобкой. Так-так... Та-ак, а вот это уже интересно... Вернее, необычно. Будем надеяться, что подозрения местных властей именно эта необычность и развеет. Конечно, все они там сейчас напряжены и работать приезжему человеку очень трудно. Особенно с моей профессией. Но разве легче было в Таджикистане прошлым летом? Или в Туркмении минувшей осенью? А Беларусь вспомнить? Здорово пришлось побегать в лесах у города Ракова. Но все равно дело свое я выполнил. Хотя и валялся потом в госпитале три месяца, залечивая раненое плечо. Будем надеяться, что на этот раз подобного не случится. Республика спокойная, тихая, буддизм едва ли не государственная религия. А он насилия не приемлет.

Закончив читать, я бросил еще один скользкий взгляд на текст и вернул листки шефу. Все прочно отложилось в памяти. Теперь меня даже ночью разбуди – не ошибусь. Подробности продумаю по дороге.

Шеф передал пухлый конверт. Все, как обычно. Документы, деньги, справочные материалы, которые пригодятся на месте. Надо же знать обстановку. А то проколешься на какой-нибудь мелочи и придется посылать Степана – теперь уже меня разыскивать. Наверное, я все-таки преувеличиваю. Пуганая ворона куста боится. Сидят эти журналюги сейчас где-нибудь в охотничьем домике, дуют водку, на этикетке которой изображен президент в национальной

одежде, и знать не знают, что их разыскивают. Случается и такое, хотя редко. Чаще приходится эвакуировать холодные тела или освобождать заложников из темных подвалов...

На всякий случай я заглянул в конверт. Кроме паспорта, служебного удостоверения, толстой пачки рублей и гораздо более тонкой – долларов, подборки справочных материалов, имелись фотографии всех четверых пропавших, сведения о них вплоть до пристрастий и наклонностей и листок с коротким адресом, номером телефона и именем – Рита. Заметив, что я заинтересовался именно листком, шеф усмехнулся.

– Это твоя явка. Будешь у нее жить. Там частный дом. Так будет спокойнее. Только вот хозяйка примечательная. Смотри, не балуй. Это дочь моего старого друга. По глупости вышла замуж, муж увез туда, потом ее бросил, сам сбежал. Сказал, что ему климат не подходит. А Рита осталась. Преподает в музыкальной школе. Она в курсе, что ты должен приехать.

– Фотографии нет? – деловито спросил я.

– Увы... Но ты ее сразу узнаешь. Таких – одна на сто тысяч. И что ее дураку еще нужно было?.. Ты все понял? Отправляйся. Сроку тебе – неделя.

– Маловато будет, – попытался поторговаться я. Так, ради проформы. – Все-таки территория приличная.

– Не такая уж и большая, если не ползать будешь, а бегать, – отрезал шеф.

Он был прав. Как всегда. Я встал, кивнул и, не сказав больше ни слова, вышел из кабинета...

– Свободно? – поинтересовался основательно небритый мужчина, в потертом офицерском бушлате. Я равнодушно кивнул, занятый своими мыслями. Мужчина поставил тарелку меньших размеров, чем моя, но с такими же пельменями и осторожно установил стакан. Похоже, все посетители «Полета» выбирали в меню одни и те же блюда.

Мужчина понюхал стакан и, не кривясь, отпил ровно половину. Потом как-то ловко подцепил целый огромный пельмень и отправил его в рот. Вот что значит сноровка. Когда-нибудь и я научусь.

– Приезжий? – мой сосед по столику явно отмякал душой. Лицо порозовело, на лбу появилась испарина.

– А что, заметно?

– Нет, – честно сознался он. – Неужели угадал? А ведь я так, разговор поддержать.

Ну что же, разговор поддержать я был не против. Достал сигареты, предложил ему. Он аккуратно выудил из пачки «золотую» явину, прикурил от моей зажигалки. Курить здесь не запрещали. И то – куда людей на мороз гнать?

Оказался Федор Степанович отставным полковником. Когда-то служил здесь, а выйдя на пенсию – остался. И каждый день навещается потихоньку от жены в «Полет». Она чего только не придумывала, чтобы его выследить. А не получается. Бывшего военного летчика не так-то просто застукать.

Постепенно разговорились о здешних делах. Вернее, говорил один Федор Степанович, а я больше слушал. Работа такая. Только сходил еще за парой стаканов – для поддержания беседы. Отставной полковник принял это как должное, с достоинством.

– Знаешь, – говорил он мне, – летать хочется – сил нет как. Ну, хотя бы в аэродромной службе какой-нибудь работать. Чтобы поближе к технике.

– Так в чем дело? – удивился я. – Вон у вас какой аэропорт строят. Попроситесь.

– Не-ет! – покрутил он пальцем перед моим лицом. – В том аэропорту пусть президента шатия работает. Слишком уж дела нехорошие там творятся. А я жизнь честно прожил и разменивать ее на всякую дрянь не хочу...

Глава 3

Посидев с ним еще минут пятнадцать, я принял всю информацию к сведению, распрощался и вышел на улицу. Пора было знакомиться с Ритой.

Жила она хотя и в частном доме, но недалеко от центра. В городе вообще было не так уж много больших зданий, в основном одноэтажные домишки, которые мало отличались друг от друга. Сказывалось извечное наше стремление – не выделяться. А то плохо будет. Это в последнее время нувориши стали возводить виллы с изысками, чтобы не как у соседа. Раньше люди строили попроще, лишь бы жить удобно было. А с лица, то есть с фасада, не воду пить, и так сойдет.

Дом Риты ничем не отличался от соседних. Такой же серый дощатый забор перед маленьким палисадником под окнами, такие же металлические ворота, выкрашенные облупившейся местами зеленой краской. Звонок, естественно, был сломан. Кнопку кто-то выдернул «с мясом», только провода торчали. Вот что значит – нет мужчины в доме. Я стукнул кулаком в металлическую, как и ворота, дверцу. Потом постучал уже увереннее. Никакой реакции. Даже собака, из тех, которые обычно бегают по проволоке во дворах таких домов, не отозвалась. Нда, надо было предварительно позвонить... Интересно, у них тут таксофоны бесплатные или нужно какой-нибудь жетон разыскивать? Что ж, придется еще побродить по городу, дожидаясь, пока у Риты кончатся уроки. Не идти же в музыкальную школу, разыскивать хозяйку дома.

– Потеряли кого-нибудь? – раздался у меня за спиной приятный женский голос. Я обернулся.

Шеф не преувеличивал, ее трудно было не узнать. Из-под меховой шапочки выбивались длинные темные пряди. Глаза смотрели внимательно, но по-доброму. Одета Рита была в короткую шубку и темно-синие джинсы, заправленные в сапожки. На плече висела небольшая сумка. Ну правильно, ей ведь тетради дома проверять не надо, как учительнице обычной школы. Те вечно таскают пластиковые пакеты с домашними работами своих учеников. И вообще девушка не выглядела учителем из провинциального городка, хотя и столицы степной республики. Скорее секретарем или менеджером одной из московских совместных с итальянцами или американцами фирм. Увидев ее, мне сразу захотелось улыбаться, шутить и делать те глупости, какие совершают нестарые еще мужчины в обществе красивых женщин.

Я и улыбнулся.

– Да вот, приехал из Москвы, надо бы хозяйку повидать. Друзья просили навестить. – И, хотя не сомневался, но все же уточнил: – Вы ведь Рита?

А вот на мою добродушную улыбку реакция у нее случилась самая неадекватная. Сразу поскуцнев лицом, она как-то вяло кивнула.

– Да, я Рита. Что вас просили передать?

– Но, может быть, в дом зайдём? – осмелился предложить я.

– Незачем, – отрезала она. – Я очень тороплюсь. Говорите – и до свидания.

Я слегка опешил от такого афронта. Вот тебе и явка! Что называется – от ворот поворот. В прямом смысле. Ну, коли так, зачем настаивать?

– Да вот Сергей Афанасьевич просил привет передать и узнать, как вы тут?

Ну, кажется, меня не за того приняли. Рита расцвела прямо на глазах.

– Так вы от дяди Сережи? Денис? Что же сразу не сказали? А я уж думала...

Но фразу она не закончила, а я не счел уместным настаивать на подробностях. Захочет – сама все расскажет. Тут главное – не пережимать.

Девушка, покопавшись в сумочке, достала массивный ключ и стала отпирать калитку. Получалось это у нее плохо – замок, вероятно, не смазывали несколько лет. Я галантно отодвинул ее в сторону, напрягся и со скрипом провернул ключ в скважине.

– Проходите, проходите.

Рита теперь была сама любезность. Я прошел. Узкий, порядком захламленный дворик, в глубине выход на огород. Да, здесь им дачные участки не нужны, все при доме. А в огороде наверняка и «удобства» в виде дощатой будочки с окошком поверх дверцы. Не очень удобно, особенно зимой, но провести канализацию в дом стоит дорого, особенно по нынешним скудным временам.

Оказалось, что я ошибался. Были в доме и ванна, и туалет. Неужто учителя музыкальной школы теперь лучше стали зарабатывать? Или это от прежних хозяев осталось? И те несколько комнат и кладовок, что составляли собственно дом, выглядели тоже весьма прилично. Здесь чувствовались заботливые и умелые женские руки. Одному человеку управляться в доме довольно сложно, только женщины и очень немногие из мужчин это могут. А если еще есть куры какие-нибудь или утки... Интересно, кто-то из представителей противоположного пола сюда приходит?

Я стянул куртку, разулся. Неудобно было бы пройти по чистеньким домотканым половикам в ботинках. Рита уже хлопотала на кухне, бывшей одновременно и столовой.

– Денис! – позвала она. – Вы, наверное, с дороги проголодались и устали?

– Пообедал в городе, – сознался я. – Вашими местными пельменями. Большие такие и очень вкусные. Но признаться, немного утомился.

Последнее было лишь наполовину правдой. Времени у меня имелось не так уж много, и работа ждала.

– Я только на полчаса забежала, перекусить. Сегодня еще занятия в школе есть. Раз вы кушать не хотите, я вам постелю, а сама уйду до вечера. Не соскучитесь?

В вопросе прозвучало некоторое кокетство. Женщина почти в любой ситуации остается женщиной. В отличие от нас, мужиков. Я не стал отвечать впрямую.

– Вечером-то я вас увижу?

– Обязательно.

Хорошо, что мне не пришлось сидеть с ней за столом сейчас. Большинство людей не любит, когда посторонние наблюдают, как они едят. Да и пора было сосредотачиваться.

Хозяйка дома, оставив мне запасные ключи – на случай, если захочу прогуляться, – убежала в свое училище. А я, наскоро осмотрев комнаты и убедившись, что все тут в порядке, не раздеваясь, прилег на верблюжье одеяло, покрывавшее постель. Первоочередная задача была выполнена. Я добрался, устроился. Теперь начинался основной этап.

В комнатке, которую мне отвела Рита, имелись письменный стол, тумбочка, стул, кровать. А большего и не требовалось. Из потайного кармана дорожной сумки я извлек маленький конверт. В нем находились справки на пропавших журналистов и их снимки. Собственно, справки я уже читал, но сейчас пробежал взглядом еще раз.

Все четверо были фрилансерами – свободными охотниками, но с уже достаточно известными в столичной прессе именами. Часто писали на заказ, не брезговали и сомнительными делами, лишь бы за это хорошо платили. Три «акулы пера» и одна – объектива. Всем около тридцати, у всех большие профессиональные и финансовые амбиции. Что ж, самое теперь время всплывать таким хищникам из темных глубин в теплые, богатые живностью слои океана информации и охотиться, охотиться, чтобы поплотнее набить брюхо.

Артур Стоянов. Судя по фамилии – в крови его была частица болгарской. Родился в Москве, закончил факультет журналистики МГУ, год работал в «Московском комсомольце», ушел на вольные хлеба. Прославился серией скандальных материалов о гомосексуальной ориентации поп-звезд. Но вскоре понял, что то, что хорошо для Кушанашвили, не имеет большой цены для многих других. И все чаще стал появляться там, где встречались молодые, перспективные политики, которые стремились прорваться к высшей власти. Славы стало меньше, но денег прибавилось.

Стоянов обладал тем типом мужской обаятельности, который особенно нравится женщинам: на вид суровый, с пронизательным взглядом и в то же время с налетом плейбойства, такой небрежной легкостью в общении. Обаянием своим пользовался максимально. Разойдясь с женой и оставив ей маленького сына, больше с браком не экспериментировал, поддерживал легкие, ни к чему не обязывающие связи. С подругами расхаживал просто, без обоюдных обид. Пожалуй, только с последней продержался полтора года – дольше прочих.

Она и приехала с ним сюда. Софья Краснитская. Родилась в городе Электросталь. Также закончила журфак МГУ, но на два года позже Стоянова. Особыми способностями не блистала, и в «МК» ее не взяли. Перебивалась в более дешевых бульварных листках из тех, что как сенсацию преподносят то, что американские военные уже много лет хранят в секретном ангаре сбитую «летающую тарелку», или захлебываясь, сообщают, что у Брежнева в любовницах перебивались все горничные правительственных подмосковных дач. Удивительно, но и такая макулатура расходуется.

Несмотря на очевидную бездарность, что-то все же связывало ее со Стояновым. Может быть, в постели была необыкновенно хороша? Но такие девицы обычно претендуют на большее. Непонятно...

Третий член московской команды – Сергей Сладков. Окончил Ростовский университет и поехал завоевывать столицу. В наше время это не так уж сложно, если в голове хоть что-то имеется. Ну и при небольшом везении. Сладкову повезло. Как-то сразу попалась военно-мемуарная тема, и он стал «теневым» писателем. То есть по диктофонным записям маразматических воспоминаний каких-нибудь генералов и адмиралов создавал вполне приемлемые книги. Под их фамилиями, разумеется, и за львиную долю гонорара. Такое сейчас проходит плохо – почти нет читательского спроса, но все же пара томиков у Сладкова вышла, и это создало ему определенную репутацию. Скорее всего, сюда его позвали писать мемуары президента. Может быть, тот решил, что уже пора...

И, наконец, фотограф. Ну, или фотохудожник, как кому нравится. Станислав Цвигалев. Работал в провинциальных газетах, потом его снимки все чаще стали появляться в центральной прессе, типа журнала «Огонек». Снимал в Чечне, в самом Грозном, во время новогоднего штурма. И остался при этом цел, хотя лез в самое пекло в погоне за эффектным кадром. Боевой парнишка. Я честно постарался припомнить, видел ли там это лицо, но не смог. Наверное, потому, что в те дни и недели мы выглядели совсем по-другому, чем в мирной жизни. Грязь, пороховая копоть и сажа от горящих домов. Тут родного брата не признаешь...

В общем, ничего особенного, журналюги как журналюги. Ни малейшего намека на причину их исчезновения. Но ведь пропали же!

Ну, приступим... Я разложил фотокарточки на столе веером, левой ладонью сильно потер лоб, правую положил на первый снимок и закрыл глаза. Так. Так. Ясно. Следующий. И с этим ясно. Следующий. Следующий...

Я открыл глаза и вытер вспотевший лоб. Ну что же, неплохо. По крайней мере есть с чем работать. Все четверо живы и находятся неподалеку. Может быть, в черте города. Или в каком-нибудь окрестном селе.

Вот в этом-то и заключались мои чрезвычайные способности. По фотографии я мог определить, жив ли этот человек и где находится в данный момент. То есть не само местоположение, а примерный пеленг. Потом оставалось только искать в указанном направлении. Это тоже достаточно сложно, но выполнимо. Зачастую я просто выезжал на место, где пропали люди, определялся, а потом специальная команда занималась поисками. Но иногда приходилось действовать самому и в одиночку. Как вот теперь. Значит, были какие-то обстоятельства, не позволявшие прислать эту спецкоманду. Обстоятельства знал шеф, а если не стал меня посвящать в них, то и не нужно было мне это. Одно из правил нашей службы – не задавать вопросов. Не всегда удобно, но всегда оправданно...

Насколько я понимал, здешний президент сам был заинтересован в том, чтобы журналистов нашли. И как можно скорее. Так почему бы не сообщить ему полученные мной сведения? Местные спецслужбы и так землю носом роют, а тут смогли бы разобраться за день-два. Загадка. Но приказ есть и его нужно выполнять, не сомневаясь в мудрости руководства.

Пока я сделал лишь часть работы. То есть определил, что журналисты живы и находятся не очень далеко от меня. Примерно в радиусе десяти – пятнадцати километров. Но я еще не знал направления, в котором следовало искать. Это я выясню сегодня ночью, когда город будет спать и человеческий фактор ослабнет. Если не найдется других занятий. Я вспомнил Риту. Ночь в доме с одинокой женщиной? Слишком многое начинается при таких обстоятельствах. Случалось в моей жизни такое. И не единожды. Правда, на этот раз женщина была под негласным покровительством шефа. И если тот узнает, то...

– А впрочем, я никого в Мадриде не боюсь! – громко продекламировал я, вставая из-за стола.

Убрал снимки в тот же потайной кармашек и потянулся. До вечера еще далеко. Подумать, что ли? Пойду, покурю, а там, может быть, действительно вздремну пару часиков. Ночью расход энергии на определение пеленга будет колоссальным. Я даже потеряю килограмм или два веса. Так всегда со мной бывало раньше.

Курить можно было в ванной, у газового котла отопления. Дым вытягивался в обязательную отдушину над котлом. Не очень удобное место, но не выходить же на мороз? Я присел на край ванны и затаился.

Глава 4

Не имею ни малейшего представления, откуда у меня появились эти способности. Несколько лет назад, уже после новогодней бойни в Грозном, но еще до бесславного окончания той позорной войны, я был капитаном воздушно-десантных войск. Жена ушла незадолго до вступления российской армии в Чечню, детей у нас не было, и разрыв прошел почти безболезненно. Нечего было делить. Ей просто надоела бесприютная жизнь офицерской жены, когда мужу зарплату не выдают месяцами, квартиры, не говоря уж о собственном доме, нет, да и мужа, практически, тоже нет, потому что он уходит засветло и пропадает в части до позднего вечера. Я ее понимал, и когда она заявила, что решила уйти, не перечил. Действительно, кому понравится такое существование?

В общем, я был свободен от семейных уз, не задумывался о будущем и яростно дрался с боевиками-нохчами, совсем не понимая смысла этой резни, стараясь только сохранить жизнь своим пацанам-солдатам. Мы выполняли приказы, какими бы идиотскими они нам ни казались. Потом началось затишье, и во временном расположении наших частей стали появляться родители пропавших без вести сыновей, которые со всей России приезжали сюда в надежде на чудо. С тоскливыми глазами они расспрашивали всех, кто мог и не мог знать хоть что-нибудь об их пропавшем Ване, Пете, Грише... А что им оставалось делать, если в вагоны-рефрижераторы грузилось то, что осталось от безвинно погибших ребят и что никто уже не мог опознать? Невзоров в своем нашумевшем фильме показал многое, но далеко не все. Реальность была куда страшнее. Особенно, если находишься в ней, а не смотришь на происходящее с помощью телевизора...

Человеческая память так устроена, что по прошествии некоторого времени все плохое забывается, остается только хорошее. На войне всякое случается, не одни только грязь и кровь. Вот и мы, сидя в палатках практически посреди чистого поля, как-то отрешались от только что стихших боев. В меру сил старались себя поддерживать в чистоте, не то, чтобы отъедались, но хотя бы питались вовремя и регулярно. О том, что будет дальше, никто не имел ни малейшего представления. Верилось, что сопротивление проклятых нохчей наконец сломлено, остается только выкурить их из горных убежищ – и по домам!

Иногда вспоминали погибших ребят. Но надрыва, при котором рыдая бьют себя в грудь и разрывают тельняшку, непрестанно повторяя: «На его месте должен был быть я!» – не наблюдалось.

Черт его знает, может, мы и вправду так очерствели душами, что нас уже ничем не проймешь? Русский человек вообще крепче любого другого при всей своей сентиментальности и прочим ностальгиям. «Афганский синдром», а потом и чеченский не достигали у нас такого накала, как пресловутый вьетнамский у американских ветеранов. Вероятно, потому, что советский, российский человек не привык жить в роскоши и, попадая на войну, не совсем уж лишается всех удовольствий жизни, что так милы янкесам. Что в принципе человеку на фронте надо? Чтобы пищу подвозили вовремя, чтобы поменьше стреляли и относительная чистота, без которой, если нет возможности, и так можно прожить. Остаться бы в живых, прийти домой целым и невредимым – высшее счастье, о котором только мечтается. Все остальное – как повезет. Вернулся с операции, в баньке попарился, налопался от пуза – и спать, чтобы не дергали неурочными подъемами. А если уж выпивка случайно появилась – вообще лафа!

Вот так мы примерно и жили тогда, ожидая приказа на дальнейшие действия. Потом стали появляться родители. Как они добирались до нас – одному богу известно. Разные они были. Кто-то умолял вспомнить, где, когда и как исчез его сыночек, кто-то кричал и угрожал всеми смертными карами, если тут же не представят пред очи его любимое чадо. После нескольких тяжелых разговоров я старался не попадаться родителям на глаза. Свое дело выпол-

нил, как мог, большинство пацанов сберег, а что сам целый остался – так это карма. Вины за собой я не ощущал. В конце концов есть замполиты, или, как они теперь называются, офицеры по работе с личным составом. Вот пусть и отдуваются, у них языки длинные. А мне своих забот хватает.

Все же однажды увернуться не удалось. Эта мать приехала откуда-то из-под Тулы и уже неделю безуспешно пыталась найти хоть упоминание о сыне, хоть одного его сослуживца. Но у нас он не служил, это я знал точно, зря она искала. И поэтому, когда женщина неожиданно появилась передо мной в проходе между палатками, я, поняв, что разговора не избежать, как можно добродушней сказал:

– Мамаша, нет здесь вашего сыночка. Поищите в других частях. Вот через час машина пойдет, я поспособствую, чтобы вас довезли.

Она, всматриваясь мне в лицо красными от слез глазами, протянула картонный прямоугольник.

– Посмотрите, Христа ради! Может быть, вспомните?

Сам не знаю, почему, я взял эту фотографию, взгляделся, держа ее на ладони. Обычный черно-белый снимок. Конопатый парнишка, только-только получивший «парадку» и сфотографировавшийся по этому поводу, чтобы послать карточку родителям и оставшейся дома девчонке. Глупый салага, такие сотнями гибли под пулями чеченских снайперов, горели в танках на улицах Грозного. Генералов бы туда, в огонь, политиков, которые отдавали преступные приказы, стремясь чужой кровью отмыть свои миллионные барыши от продажи чеченцам всего, что можно было продать. Где он сейчас, этот паренек?

И вот тут я почувствовал что-то. Вернее, неожиданно понял, что мальчишка жив, ранен, но не серьезно и сейчас находится в госпитале в Моздоке. Из подбитого бронетранспортера он успел выпрыгнуть, но «камуфля», в кармане которой были документы, сгорела, а сам парень после контузии плохо помнит, кто он. Причем о Моздоке я подумал уже не подсознательно, а просто в той стороне, где находился контуженный парень, других госпиталей, кроме моздокского, больше не было. Странное получилось ощущение. Будто прочел об этом во вчерашней газете...

Так отчетливо я понял все это, что тут же выложил матери полученные каким-то сверхъестественным путем сведения. Сначала она не поверила, все умоляла сказать, где ее сын, почему его прячут? Может быть, от горя немного повредила рассудком. Но я уже действовал, движимый уверенностью в своей правоте. В сторону Моздока шла небольшая колонна, и мать удалось пристроить на грузовик. С этой же колонной ехал по делам прапорщик из нашей роты и должен был через пару дней вернуться. Его я попросил помочь женщине добраться до госпиталя.

Я почти сразу забыл о странном случае с фотографией и был просто поражен, когда вернувшийся прапорщик рассказал, что все именно так, как мне привиделось. Парень действительно с легкой контузией лежал в моздокском госпитале, и врачи тщетно пытались выяснить его личность. Со временем, конечно, это прошло бы само. Но приезд матери стал тем необходимым стрессом, который вернул солдату память.

Этим вечером я достал тщательно запрятанную бутылку ставропольской водки, позвал своего доброго приятеля старлея Сашку Загайнова, и под скудную закуску мы выпили за возвращение еще одного потерянного защитника Отечества. Подробности я с Сашкой делиться не стал. Самому нужно было во всем разобраться...

В принципе дар, посетивший меня, ничего особенного не представлял. Известно множество случаев подобных озарений. Люди даже деньги на этом делают, по большей части мошенничая. В меня не ударила молния, я не валялся в коме после автомобильной катастрофы. Сильных потрясений, как моральных, так и физических, в моей жизни тоже не случилось. Ну,

попадал неоднократно под артиллерийский и минометный огонь, так на то она и война. С другими ничего подобного не происходит! Почему же со мной?

Способность определять, жив ли человек и где находится, у меня действительно появилась. Правда, мог я это почувствовать только на расстоянии до сотни километров и определял не конкретное место, а лишь направление, в котором человека следует искать. Такого озарения, с подробностями, как в первый раз, больше не было. Ну что же, и так неплохо. Только я совершенно не знал, где могу применить свою уникальность. Попробовал встречаться с родителями пропавших без вести солдат, но, во-первых, командование тут же выразило свое недовольство – нечего какому-то капитану соваться не в свои дела – а во-вторых, ничего утешительного я родителям сказать не мог, их детей уже не было на белом свете. В этом случае я чувствовал в душе какую-то пронзительную пустоту, словно смотрел на тень человека без него самого, отдельную тень...

Оставалось развлекать друзей на пирушках и дурить головы девицам, прикидываясь магом и чародеем, некой Вангой мужеска пола. Кстати сказать, весьма действовало, особенно если подпустить побольше таинственности. Эдак, где-нибудь на скамеечке в сквере: «Девушка, у вас есть с собой фотография любимого человека? Хотите, скажу, где он сейчас находится?» После сеанса ясновидения и последующей обработки: «Прощай, любимый! Я встретила дру-гого. Он такое чудо! Настоящий офицер!»

Да уж, чудо из чудес. Развлечения десантника-ловеласа по выходным...

Не знаю, кто и кому проболтался о моих фокусах. Но однажды меня вызвали в штаб бригады (война к тому времени тихо скончалась, закрытая, как текущий вопрос, челночной дипломатией Лебеда, нас вывели из Чечни и расквартировали на окраине Ставрополя) и без объяснений откомандировали в Москву.

Может быть, ученым стоило заняться мной как следует, потренировать и развить мои способности. Но меня наскоро проверили, определили радиус действия дара и стали использовать как поисковой инструмент. Выехать, сосредоточиться, обнаружить, доложить, вернуться. Или изредка: обнаружить, найти, освободить. Как вот сейчас. Слишком много людей пропало в стране и, если не получалось отыскивать их обычными средствами, приходилось прибегать к мистике. Все дешевле обходилось, чем платить сотни тысяч «зеленых» за каждого захваченного...

Мне выдали ордер на однокомнатную квартиру в Сокольниках, внеочередные погонны с одной большой звездой вместо четырех маленьких, положили приличное денежное довольствие. Работайте, майор! А форму вам носить вовсе не обязательно. Только о своей работе – никому, даже матери родной. Вот, распишитесь здесь, на всякий случай. Теперь вы предупреждены. Идите, свободны.

Ничего себе поворотик в судьбе, да? Ведь во всем остальном я оставался таким же офицером-десантником, как и прежде. Старался поддерживать форму, дважды в неделю выходил на спарринг, трижды – «качал железо». Когда не был, естественно, на задании. И не скучал по своей бригаде. Чего хорошего в Ставрополе осталось!

Выезжать на поиск приходилось часто, минимум раз в месяц. Где я только не побывал! Таджикистан, Туркмения, Прибалтика, Украина, Беларусь... В одну Чечню, разумеется, под надежной охраной, было больше десяти поездок. Этаким туризм налегке, с кейсом, в котором бритвенные принадлежности и смена белья. В большинстве поездок я даже не успевал как следует оглядеться, полюбоваться достопримечательностями. Приехал, отработал – до свидания, счастливого полета!

Подозреваю, что не я один занимался подобной деятельностью, потому что волна исчезновений людей не спадала, но постоянно кого-то освобождали. И вовсе не всегда платили выкуп. Порой я даже не знал, кого спас. Так, догадывался. Газеты и телевидение зачастую не сообщали о похищении той или иной важной персоны. Наверное, власти решили, что незачем

будоражить народные умы сообщениями о росте терроризма. Вот когда отпускали очередного солдата, по дурости попавшего к бандитам, тогда да, трубили на весь мир...

Если брались вызволять без помощи нашего отдела, почти всегда выходило неладно. Как с теми англичанами, которым отрезали головы. Узнав о трагедии, я прямо спросил у шефа: почему не задействовали нас? Он пожевал губами и, глядя в сторону, промолвил только одно слово: «Политика...» Значит, кому-то было нужно, чтобы эти несчастные закордонные связисты были зверски убиты, а общественное мнение на островах Альбиона резко осудило дикарей-чеченцев. А то ведь там, на Западе, не знают нас практически абсолютно. Когда Аргентина захватила Фолкленды-Мальвины, находящиеся у нее под боком, разгневанная Англия через половину мира послала свои корабли. Как же, свое отобрали! И ни одна зараза на Земле не пикнула против. А нас за Чечню клюют все, кому не лень. Потому что Англия может дать в ответ по соплям любому горлопану, а мы стесняемся.

Но это так, лирика, обычно не свойственная российскому офицеру...

Нравы у нас в отделе царили вполне демократические. Форму никто не носил, хотя все были военнослужащими. Ну, как все? И было-то в отделе пять человек. По крайней мере тех, о ком я знал. Шеф, его секретарь Светочка, водитель единственной служебной машины Боря и я. Ну и еще Степан. Когда предстояло задание, шеф звонил мне и посылал машину с Борей. На случай, если я окажусь вне дома, выдали пейджер. Так что найти меня могли в любой момент. Приезжал Боря, вез к шефу, а оттуда, обычно, прямо в аэропорт. Он же и встречал, никогда не интересуясь, как прошло дело. Я докладывал шефу, он кивал и мановением руки отпускал меня.

Вернувшись из Минска с простреленным плечом, я тоже вначале поехал на доклад и только потом обратился в санчасть Управления. Во всем должен быть порядок. За ранение я получил медаль, солидную премию и ледяной по тону втык от шефа, чтобы не лез, куда не просят. А как не полезешь, если того мужичка охраняли три дуболома с автоматами, да потом еще пятеро гоняли меня по лесу, как зайца, постреливая отнюдь не в воздух. Так и не знаю, почему не послали обычную группу, а пришлось отдуваться мне одному. Хорошо, хоть Степан на последнем этапе помог. Кстати, это как раз и входило в его функции – страховка на последнем этапе...

Хоть бы раз шеф разоткровенничался! Иногда он напоминал мне каменного истукана, что попадают на курганах в южных степях. То же самое равнодушное безразличие на лице ко всему и всем. Ноль эмоций. А при таком поведении начальства и самому не хочется открываться. Единственный намек на посторонние обстоятельства прозвучал, когда шеф упомянул о Рите. Что доказывало, что и он не всегда был таким холодным и бездушным, как сейчас. В общем, о шефе я не знал ничего. Как и о Светочке с Борей и Степаном. Явно под себя подбирали их многоуважаемый Сергей Афанасьевич. Не принято было в отделе раскрывать душу. Делают люди свою работу – и ладно.

Точно так же я не был уверен, что у шефа только нас четверо в подчинении. Кто-то ведь должен был готовить техническую сторону моих поездок? Документы, легенды... Ездили, ездили еще по бывшему Союзу люди, способные найти неудачников, попавших в плен. А может быть, и не только по Союзу. Но меня по крайней мере за кордон не выпускали. Имеется в виду настоящая граница, а не прозрачные занавески между прежними братскими республиками.

Глава 5

Узкое окошко ванной выходило во двор и было приоткрыто. Мне почудилось, что кто-то звякнул дверцей ворот. Так скоро Рита вернулась? Или лихой человек решил воспользоваться отсутствием хозяйки? Вот забавно получится, если я вора ущучу! Стараясь не топтать, я пошел к входной двери.

Нет, на вора этот мужчина не походил. Темные редковатые волосы, гладко выбритые щеки, дорогое пальто верблюжьей шерсти, блестящие темно-бордовые туфли. Вряд ли в них можно долго ходить при таком морозе. Значит, поблизости имеется машина. И держится без опаски. Интересно...

Я для него тоже оказался сюрпризом. Судя по выражению лица – неприятным. Мужчина так и замер у ворот, воззрившись на меня. Я ждал. Наконец он решил нарушить молчание.

– Ты кто такой? – спросил он, и тон его мне совсем не понравился. Так разговаривают с подчиненными не очень умные начальники.

– Могу спросить вас об этом, – я постарался ответить как можно вежливее. Зачем грубить незнакомому человеку?

– Я, кажется, тебе вопрос задал!

Незнакомец тона не поменял. Был он едва ли старше меня, но настроение я имел вполне благодушное и на «ты» пока переходить не собирался.

– В командировку приехал. А вы кто?

– Не твое собачье дело! В какую еще командировку? Что здесь делаешь?

– У знакомой остановился.

Не рассказывать же первому встречному о взаимоотношениях Риты и шефа!

– Маргарита Сергеевна твоя знакомая? – недоверчиво спросил он.

– Вот именно, Рита, – безмятежно ответил я. – Сергеевна.

Мне уже хотелось разозлить его. Кажется, это удавалось.

– И откуда же ты приехал, знакомый?

– Из Москвы.

– От Витьки, что ли? – напрягся он.

– А кто это?

– Неважно. В общем, так, знакомый... Если не хочешь неприятностей, собирай свои шмотки и перебирайся в гостиницу. Там всегда места есть.

– Надо подумать, – серьезно сказал я.

– Нечего думать! Давай, действуй. Так и быть, подброшу, у меня машина за воротами.

– Сам как-нибудь доберусь. Если, конечно, решу переехать.

– Ты еще раздумывать будешь?

Черт, неужели в первый же день драться придется?

Но незнакомец внезапно сбавил обороты.

– Ладно, некогда мне с тобой тарыхтеть. Я тебя предупредил. Завтра заеду, и, если ты все еще здесь будешь, – пеняй на себя. Усек? – И не дожидаясь ответа, нырнул в калитку.

Интересное кино... Надо будет у Риты спросить, кто это у них тут такой грозный.

И, кстати, что за Витька в Москве?

Не то, чтобы меня хоть немного взволновали угрозы незнакомца в верблюьем пальто, просто Рита мне понравилась, а когда женщина нравится, хочется узнать о ней побольше.

А Витька, наверное, беглый муж.

Так оно и оказалось. Вечером, за ужином, я прямо спросил о нем. Рита поскучилась, но не особенно.

– Да, бывший супруг. Я, когда вас увидела, решила, что от него приехали. Извините, Денис, мне не очень хотелось бы говорить об этом человеке.

Тогда я рассказал о незнакомом визитере. Тут Рита встревожилась.

– Это Григорий. Очень опасная личность. Он и с президентом на короткой ноге, и с местными бандитами.

– С бандитами? – удивился я. – Но ведь ваш президент столько раз заявлял, что покончил с ними!

– Сказать можно все, что угодно. Бандитов от этого не убавится.

– Так что Григорий? Он ваш приятель?

– Ему так хочется думать. Никаких авансов я ему не давала. Так, заходит иногда на несколько минут... Но тут что-то нечисто. Не зря Григорий появился, как только вы приехали. Вы ведь, Денис, тоже неспроста здесь?

Я сделал невинное лицо.

– Обычная командировка. Ничего секретного.

– Бросьте, бросьте, – рассмеялась Рита. – Я ведь знаю, чем дядя Сережа занимается. Они вместе с моим отцом служили, помните?

Она подняла ладонь:

– Не беспокойтесь, я не стану ничего выпрашивать. Но о Григории не забывайте. Что он вам говорил?

– Предлагал съехать от вас и перебраться в гостиницу.

Рита задумалась.

– Может быть, действительно стоит? А то начнутся неприятности. У вас. За меня бояться не нужно, пока этот урод ко мне благоволит.

Теперь пришел черед рассмеяться мне.

– Ну, я неприятностей не боюсь, и бороться с ними умею. А переезжать не хочу. Мне у вас нравится. Давайте пить чай!

Вечер прошел в приятной беседе ни о чем. Мы даже стали говорить друг другу «ты». Но и только, словно разговор о бывшем муже и Григории разрушил намеки на начинающуюся взаимную симпатию. Что ж, время терпело. А сегодня ночью мне лучше было заняться делом, для которого и приехал.

Собственно, ничего сложного в этом нет. Для меня. Сколько раз уже проделывал. Просто кладешь на ладонь фотографию, закрываешь глаза и стараешься отрешиться от всего окружающего: от людей, их хлопот и чаяний, их радостей и болезней. Мысленно представляешь человека, изображенного на снимке, и в потоке разноцветных нитей, которые проплывают перед внутренним взором, ищешь ту, которая принадлежит именно ему. Чем она толще, тем человек ближе к тебе. Вот и определяешь направление, куда тянется нить, примерное расстояние.

Другое дело, что каждый такой сеанс забирает кучу энергии. И сегодня мне предстояло четыре раза повторить процедуру. Не шуточки...

Когда я наконец открыл глаза, чувствовал себя, словно кожа от банана, – такой же пустой и никому ненужный. Вот еще один побочный эффект – приступы депрессии, как у алкоголика после запоя. Все кажется бессмысленным, обрывдным и самому себе представляешься каким-то ничтожным насекомым, которое любой может походя раздавить. Крайне мерзкое ощущение.

Но бороться с ним я научился уже давно. Вот если бы каждый день занимался поиском, то, вероятно, мог свихнуться от тоски и унижения. А так – ничего, держусь.

Пошатываясь, я добрал до ванны, с трудом сообразил, как включается душ, стянул промокшую от пота одежду и залез под горячие струи. Поменял воду на ледяную, опять на горячую. Вскоре полегчало. Дьявол, ну что эти журналюги пропали такой компанией? Нет, чтобы по одному!

Я вылез из-под душа, оделся в сухое и чистое. Теперь надлежало кое-что обдумать. Сигарета показалась особенно вкусной. Сидя на краю ванны, я разглядывал четыре снимка и пытался понять, за что же похитили столичных борзописцев? Слишком короткое время они находились здесь, чтобы успеть узнать что-то запретное. Загадочка. Ничего, найду московскую четверку – все выяснится...

В своей комнатке я расстелил на столе купленный предварительно план города, сориентировал его по сторонам света. Та-ак, все нити шли в одном направлении и были одинаковой толщины. Значит, похищенных не растащили по разным местам, держат вместе. И совсем недалеко от города, может быть, на южной окраине. Что у них там располагается? Ах, да, еще одна местная достопримечательность! Незаконченная пока, только строится. Очередная сумасшедшая идея президента, которая после завершения строительства может оказаться не такой уж и сумасшедшей.

Президент задумал устроить рядом со столицей этакий маленький Лас-Вегас. Отгрохать парочку шикарных казино, несколько классных отелей, в надежде, что сюда наедут, чтобы поиграть в комфорте не только «новые русские», но и богатые любители азарта со всего мира. Надо полагать, что и аэропорт строится с расчетом на это. Непосвященному человеку идея, конечно, покажется абсурдной. Кто, скажите, попрется в эти голые степи, чтобы просаживать свои миллионы? Однако, зная президента, можно было не сомневаться, что он все просчитал заранее и по-дурному не рискует.

Так что, может быть, там, в отстроенных уже коттеджах, и содержат москвичей? Что-то слишком просто получается. Если президентская гвардия всю республику перерыла, то обязательно туда заглянула. Ладно, завтра прямо с утра нужно будет навестить строительство. А там посмотрим.

И я отправился спать, тем более что, несмотря на душ, чувствовалась во всем теле унизительная слабость.

Глава 6

Утром Рита была оживленна и весела, как птичка. Что-то напевая, она готовила завтрак, шутила и расспрашивала о моих планах на день. Посоветовала сходить в буддистский храм и ни в коем случае не питаться в местных кафе. Мало ли что! Надежнее и дешевле будет к обеду вернуться домой. Она тоже постарается прибежать из училища. Я обещал. За завтраком расспросил о строительстве на окраине. Знала Рита о нем не очень много. В городе рассказывали настоящие легенды о будущем «Лас-Вегаса».

– Откуда же в вашей бедной республике деньги на такой проект? Да еще и аэропорт возводят. Это ведь большие миллионы...

– Да у нашего президента по всему миру дружки-приятели. Нефтяные шейхи, банкиры, диктаторы. Известная личность. Нашел, наверное, спонсоров и инвеститоров. Если казино будут работать, сумасшедшие деньги к нам потекут. Все окупится.

– Рита, а ты сама как к президенту относишься?

– Ты удивишься, но совсем неплохо. Я же достаточно долго здесь живу. Когда приехала, город больше на деревню походил. И сейчас кое-что есть, но сколько изменений! Причем, заметь, все в последние годы. С продуктами получше стало, у людей деньги кое-какие завелись. И это несмотря на то, что появилось много беженцев. Из Чечни, Казахстана. Здесь никого не гонят, национального вопроса практически не существует. Может быть, потому, что при Сталине местных в Сибирь переселяли. Потом Хрущев вернул. Вот все терпимо и относятся к чужакам, понимают, что у людей несчастье.

– А какой человек президент?

Рита задумалась.

– Знаешь, он очень таинственная личность. Все о себе знает, наверное, только он. И ведь был простым учителем. Правда, совсем недолго. Потом стало возможным заниматься бизнесом. Он и поднялся. Рассказывают о нем многое, но всему, конечно, верить нельзя. Людям свойственно преувеличивать или преуменьшать. Истина где-то посередине.

– Ты сама с ним встречалась? Впрочем, о чем это я? До него, наверное, и не дотянешься.

– Ну, почему? Несколько раз он у нас в школе был, интересовался. Очень приятный молодой человек, обаятельный и простой. Относительно простой, разумеется.

– Приятный, говоришь? Ох, гляди, ревновать начну!

Она кокетливо улыбнулась.

– Так сразу и ревновать? Быстро что-то.

– Да я парень вообще шустрый, – горделиво выпятил я грудь, думая панически: «Что ты несешь? Какая ревность? Замолчи, придурок!» Бывает со мной такое раздвоение, слова впереди мыслей несутся. Потом жалеть приходится.

Но Рита, кажется, не обиделась на мой треп.

– Ладно, ревнивый и шустрый, я побежала, отдыхай по плану. В обед увидимся.

И, проходя мимо, потрепала меня по волосам. От неожиданной ласки я несколько обалдел. Выходит, иногда женщине можно и откровенные глупости говорить. А ведь взрослый уже человек, мог бы эту истину давно усвоить. И вообще женщины нас любят не за ум. Вообще непонятно за что. На то они и женщины...

Мороз на улице был градусов под двадцать. Холодно, если весь день гулять. Как бы это до строительства добраться? Не хотелось топтать пешком. Я поднял руку, и серая «девятка», проезжавшая мимо, тут же остановилась. Конечно, не стоило садиться в первую попавшуюся машину, но чего мне было опасаться? Легенда надежная, ни в чем предосудительном пока не замечен. Знакомится человек с городом, осматривает достопримечательности. И Григорию пока рано угрозу свою выполнять. Может быть, я переезжать в гостиницу сегодня собираюсь!

В «девятке» сидели два парня. Оба черноволосые, скуластые, с раскосыми глазами. Не совсем близнецы, но очень похожи между собой. Впрочем, может быть, я еще не привык к внешности аборигенов, поэтому все и кажутся похожими друг на друга.

Водитель спросил, куда мне надо, назвал божескую цену. В рублях, кстати, не в долларах. Вот еще одно преимущество провинции. Здесь хоть и ходят по рукам «зеленые», но не требуется за каждую услугу расплачиваться изображениями американских президентов. Ну что же, денег у меня хватало, и мы поехали.

Оказалось, что окраина не так уж и близко. Пешком можно добраться минут за сорок. Если не очень торопиться. Когда я расплатился, один из парней лениво поинтересовался:

– Может, подождать?

Но я отказался. Неизвестно, сколько времени займет знакомство с будущим очагом игорного бизнеса, чего людей держать?

Новостройка пока не поражала своим размахом. Успели возвести здание собственно казино, одну из гостиниц в десяток этажей и несколько коттеджей для особо почетных гостей. Домики были ничего себе, на хорошем мировом уровне, хотя, как рассказала Рита, проектировали их местные архитекторы. Пока в них обосновались представительства соседних республик и государств, у которых были какие-нибудь интересы здесь. Хотя что можно было экспортировать из степного кусочка бывшего СССР? Овечью шерсть? Дешевле закупать в Австралии или Новой Зеландии. Низкорослых лошадок? Кому они нужны? Разве что на колбасу. Нет, бизнес всегда оставался для меня закрытой книгой. Подозреваю, что если бы взялся торговать, то разорился бы в первый же месяц. А президент смог заработать миллионы. Поневоле проникнешься к нему уважением. Наверное, Рита права...

Дорогу перекрывал полосатый шлагбаум с будочкой, в которой находился вооруженный автоматом охранник. Находился скорее для порядка, потому что на мою просьбу пропустить, беззаботно махнул рукой:

– Проходи! Сюда многие ходят. Сейчас вот какие-то журналисты явились с экскурсией.

Н-да, простота нравов необычайная. Впрочем, о терактах здесь почти не слышали, никто ничего не взрывает. Тихая глухая провинция, где к незнакомцам относятся по-доброму. Только приезжие журналисты отчего-то пропадают. Кстати, что это охранник говорил об экскурсии журналистов? Поинтересуемся...

Я прогуливался по улочкам среди коттеджей, изредка щелкал затвором фотоаппарата, как заправский турист, и постепенно приближался к зданию казино. Пока не придумывалось, как заглянуть внутрь этих домиков и пошурудить на всех этажах больших строений. Вряд ли так же просто, как разрешили войти на территорию, мне позволят совать нос повсюду.

Получилось очень просто. Заглядевшись на отливающие бронзой стеклянные стены казино, я вдруг ощутил пинок в зад. Что за хамство?! Резко повернувшись, чтобы наказать наглеца, я нос к носу столкнулся с... Сашкой Загайновым! Тем самым старлеем, с которым воевал и пил водку в Чечне, ругал власти и вспоминал любимых женщин. Короче, с прекрасным парнем и отличным офицером.

– Ты что же, гад, мне пендаля отвешиваешь?

– А чего же ты, лопух, коробочку разинул и никого не видишь? – резонно возразил он. Мы обнялись.

– Какими судьбами, Диня? Как тебя сюда занесло? Ты же, кажется, в Москву перебрался?

– Обычная командировка. Так, мелочи. А ты что тут делаешь?

– О, брат, у меня история поинтереснее. Я ведь теперь журналист.

– Ну да? – не поверил я.

– Точно! Уволился из армии и пошел в газету работать. Там же, в Ставрополе. И раньше пописывал, а тут появилась возможность на хлеб пером зарабатывать.

– Получается?

– Наверное, раз не выгоняют.

– А здесь почему? Сенсаций алчешь?

– Не совсем. Помнишь, двух журналистов из оппозиционной газеты шлепнули? Большой скандал был.

– Ну, вспоминается что-то...

– После этого Союз журналистов решил поддержать местную прессу. Постановили, что каждая российская газета, присоединившаяся к акции, поможет выпустить номер местной, в которой эти журналисты работали. Вот, наша очередь пришла. Заехали бригадой, материал собираем. Кстати, познакомься. Это Валентина.

Тут я наконец обратил внимание на то, что Сашка не один. Рядом стояли полная дама в короткой дубленой курточке и мрачноватый мужчина с короткой пегой бородой. Звали его Егором, и мрачность объяснялась тем, что вчера, приехав, ребята немного перебрали, отмечая начало командировки, а сегодня еще не успели поправить здоровье. Валентина и Сашка чувствовали себя получше, но тоже не отказались бы от пива.

Конечно, с боевым товарищем очень хотелось пообщаться, но как быть с работой?

– Очень просто! – решила Валентина. – Вы ведь все равно здесь как бы на экскурсии? Ну и мы тоже. Но нас ждут и, скорее всего, накроют стол. Три человека, четыре, какая им разница? Пошли с нами. Заодно и поговорим. Расскажите о Чечне, а то Александр врет все время про свои подвиги. Выведем его на чистую воду.

Егор молча кивал, подтверждая ее слова. Ему действительно было нехорошо.

Я не заставил себя долго упрашивать. Представлялся очень удобный случай выяснить, не прячут ли тут московских журналистов. А вообще что-то многовато в республике скапливается приезжих борзописцев. К чему бы это?

Ставропольских гостей встречал директор еще не открывшегося казино. Да что там не открывшегося! Туда и соответствующей мебели пока не завезли, всех этих рулеток и столов для «Блек Джека». Но директор имелся и был он племянником знаменитого местного поэта, обласканного самим президентом. За что, вероятно, и получил такую должность.

Директор водил посетителей по залам, цветисто рассказывал о том, как все будет здорово, не хуже, чем в Монте-Карло. Кое-где возились рабочие, но подлинного трудового энтузиазма не наблюдалось. У меня на языке вертелись вопросы по этому поводу, однако не хотелось вылезать вперед. Я скромно шел сзади всех, пытаюсь прикинуть, где здесь можно спрятать несколько человек так, чтобы и содержать их нетрудно было, и обнаружить невозможно. Ничего подходящего на глаза не попадалось. Здание вообще было странным, почти насквозь прозрачным и больше подходило для шахматного турнира, чем для азартных игр. Странное у них представление о казино. А может, это я плохо знаю свежие веяния в игорном бизнесе?

Потом было посещение отдельных коттеджей – тех, которые еще не были заняты иностранными представительствами. А в гостинице уже ждал обед, как и предсказывала Валентина.

Вспомнив о приглашении Риты, я нашел телефон и позвонил ей домой. Никто не отозвался. Очевидно, девушка еще не пришла из школы. Неудобно как-то получилось... Ладно, потом извинюсь. Я с Сашкой не каждый день встречаюсь. Да и гостиницу еще не обследовал.

Показав парочку уже готовых и отделанных номеров, директор пригласил к столу. Его накрыли в банкетном зале, довольно просторном, так что наша небольшая компания чувствовала себя несколько неуютно посреди пустого пространства.

Пока директор говорил длинный тост о дружбе, демократии и открытости нашего современного общества, Егор, не чинясь, налил из графина вместительную рюмку и опрокинул ее в себя. Так сказать: «И немедленно выпил». Я бы не стал его осуждать за такую бесцеремонность.

Угощали неплохо. Какой-то местный овощной суп, жареные перепелки, несколько мясных блюд, салаты, фрукты. Все запивалось хорошей водкой и армянским коньяком. Интересно, что говорит буддизм о спиртных напитках?

– Слушай, – вполголоса спросил я Сашку, – вы ведь оппозиционную газету приехали делать?

– Ну! – ответил он не очень вразумительно.

– Так чего же этот босс так разливается перед вами? Он же президентский назначенец!

– Ну и что? Бесплатная реклама еще никому во вред не шла. И чем ее больше, тем лучше. Давно умными людьми замечено. И оппозиция совсем не против этого комплекса. Понимает, что, если идея сработает, народу только лучше будет. Оппозиционеры борются с самим президентом. Как с личностью.

– А он что же?

– А он на них плюет. Знаешь, как древние говорили: «Если собака лает, она уже не укусит». Так вот он делает свои дела и по сторонам не оглядывается. Пусть лают.

– Так какого же черта вы здесь делаете? Поедите, выпьете, напишите добрые статьи – и адью? Знаешь, по-моему, это проституцией отдает.

– Старик, что-то ты не то лепишь. Начнем с того, что журналистика вообще – вторая древнейшая профессия. После проституции. Но это ничего не значит. Далее. Никто нам за эти статьи платить не собирается. Получили в редакции скудные командировочные – и все. Так сказать, пишем на добровольных началах. И кто тебе сказал, что мы будем писать хвалебные статьи? Как все есть, так и изложим. С чего мы будем крыть президента, если он в чем-то молодец? Просто, чтобы поддержать местных горлопанов? Всегда и везде находятся недовольные, и это нужно воспринимать как реальность, данную нам в ощущения. Так, кажется, формулировали марксисты? Или кто там еще? Нам интересно было приехать сюда, посмотреть, как все в действительности. Вот и посмотрим. Потом для своей газеты что-нибудь напишем. Усек?

Совсем он меня запутал своей журналистской этикой. Сашка всегда был не дурак, на все имел собственное мнение, потому и не поднялся выше старшего лейтенанта. А теперь в нем появилась и какая-то житейская мудрость. Надо же, что с человеком оседлый образ жизни делает и близость к средствам массовой информации...

– Ты не женился? – поинтересовался я.

– Нет, бог пока миловал. Рано, мне кажется. Пока ни кола ни двора. Квартиру, может быть, только в конце года получу. У газеты юбилей будет, городские власти должны немножко жилья выделить, как подарок. Тогда подумаю о семье. А ты – не сподобился?

– Квартира есть, подходящей кандидатуры не встречается. Да и кому я нужен – все время в разъездах.

– Ты так и не рассказал, чем сейчас занимаешься, – сказал Сашка, доставая сигареты.

К этому времени все уже насытились, вели неспешные разговоры. Валентина и Егор обставили директора казино диктофонами и, судя по лицам, задавали каверзные вопросы. Официантки подали кофе.

– Служу при штабе, по командировкам мотаюсь. Вот, майора получил.

Это было правдой, хотя и не всей. Но я давал подписку о неразглашении.

– Не жалеешь, что в армии остался? – не отставал бывший сослуживец. Знал бы он, какая это армия!

– В общем, не очень-то. Москва как-никак, деньги вовремя платят. И служба не пыльная. Сашка был явно разочарован.

– Да, старикашка, ты, похоже, совсем заплесневел. Неужели нравится так прозябать?

– А у тебя есть предложения повеселее?

– Кое-что имеется...

Это становилось уже интересным. Насколько я знал Загайнова, не так он был устроен, чтобы запросто уйти в мирную журналистику. Война, конечно, всем нам надоела, но если в человеке имеется некая авантюрная искорка, то приключений на свою задницу он всегда найдет. У Сашки такая искорка была. А значит...

– Ну-ну, – протянул я. – Поподробнее можешь?

Он подмигнул:

– Не сейчас и не здесь. Всему свое время. Загляни вечером к нам.

– В гостиницу? Какой номер?

– Мы тут в частном доме устроились. Так проще и надежнее. Ну и дешевле.

– Что же, местная оппозиция настолько обеднела, что не может журналистов, на нее работающих, как следует устроить?

Сашка скривился.

– Сколько раз тебе повторять, что мы совсем не на нее работаем? И потом. С чего оппозиции быть богатой? Она еще до власти не дорвалась, а значит, и до денег тоже. Вот если президента своего скovyрнут, тогда конечно...

– Ну и писал бы для президента, глядишь – деньжатами разжился. Платят-то в газете не очень? – осторожно закинул я удочку.

Неужели Сашка не знает о пропавших москвичах? Сомнительно. Кое-какие сообщения в газетах уже должны были появиться. Не по этой ли причине он здесь возник?

Но бывший десантник ничем не показал свою осведомленность.

– Нет, старик. Мы хоть и считаемся продажными, на деле честно свой хлеб отработываем. Да и не звал нас президент хвалебные оды ему писать. А самим напрашиваться на такое дело не принято.

– Ну, тебе виднее. Я в газетных делах ничего не смыслю. Давай еще по чуту? Кофе – на потом.

– С нашим удовольствием!

Мы выпили. Водка была хорошей, да и закуска к ней не оставляла желать лучшего. Местный «Лас-Вегас» хотя еще только строился, но финансировался хорошо, судя по тому, как здесь принимали гостей.

Да, сидеть в теплой компании за накрытым столом, несомненно, приятно. Но что же мне делать с московскими журналистами? Они ведь должны быть где-то здесь. Но я практически все осмотрел (куда смог заглянуть) и не нашел даже намека на то, что в комплексе кого-то прячут. Жаль, что не имею привычки ходить по игорным заведениям. Знал бы о них хоть чуть-чуть больше. А так все по фильмам, да книгам. Надо бы покопаться тщательнее. Но кто позволит? Впрочем, атмосфера здесь добродушная, авось обойдется без серьезных инцидентов. Все же лучше кое-что предпринять для прикрытия.

– Саш, – склонился я к уху приятеля. – Ты побудь здесь, а если хозяева беспокоиться станут, наври, что я на минутку отлучился. Ну, там, в сортир...

– А в действительности ты куда? – насторожился он.

– Я же сказал – в сортир. Брюхо прихватило от непривычного изобилия.

– Потом расскажешь, как у них с канализацией? – что-то понял Загайнов.

– Непременно.

Я поднялся из-за стола и, стараясь не привлекать к себе внимания, направился к дверям зала. Были у меня некоторые соображения об имеющихся здесь тайниках.

Разминая в пальцах сигарету, вышел мимо охранника из здания. Он проводил меня незаинтересованным взглядом. Что тут такого – пошел человек после солидного обеда с выпивкой на свежем воздухе покурить. Вполне естественное желание...

Так, ну, с чего начать? Может быть, прямо со здания казино? Там должны иметься бронированные подвалы, где будут храниться деньги, которые проиграют посетители. Вполне можно, пока казино не открылось, поместить туда несколько человек. Спокойно и безопасно.

Мне повезло. Охранник, который сидел в холле, куда-то отлучился. Может быть, в тот самый туалет. Беспечные все же ребята тут работают. Но мне это на руку...

У прозрачной трубы лифта в стене была малоприметная металлическая дверь. Я подергал за ручку, и она открылась. Вниз уходила слабо освещенная лестница. Шероховатые бетонные стены еще требовали отделки. Работы тут продолжались. Правда, никаких звуков сейчас не слышалось. Или рабочие на обед ушли, или пока отделочники не приступали. Но раз есть лестница, значит, внизу должны быть какие-то помещения. Посмотрим. Осторожно ступая, я отправился вниз. Тюремные казематы, да и только. Впрочем, денежное хранилище и должно быть таким...

Лестница закончилась площадкой, на которую выходило уже две двери, на вид толще и солиднее, чем верхняя. Я выбрал правую. За ней был широкий коридор, загигавшийся шагах в десяти от меня под прямым углом. Одна неоновая трубка на потолке давала мало света, но можно было видеть, что до поворота коридор абсолютно пуст. Осторожно прикрыв за собой дверь, я прислушался. И понял, что там, за углом кто-то есть. То ли раздался еле слышный шорох, то ли стул скрипнул, а может, почудился легкий запах табачного дыма.

Надо было посмотреть... Скользя вдоль все такой же, как на лестнице, голой бетонной стены, я добрался до поворота, опустился на колени и почти у самого пола заглянул за угол. Так и есть! Коридор заканчивался массивной овальной дверью, словно в бомбоубежище, а сбоку от нее на стуле сидел человек. Он курил и в свете фонаря над дверью что-то читал.

Угу, охрана есть, следовательно, имеется что охранять. Или кого. Ладно, запомним, и, может быть, придем сюда попозже. А что у нас за другой дверь?

Там был точно такой же коридор. Только с той разницей, что два охранника в униформе стояли прямо перед дверью, в которую я осторожно заглянул, и рассматривали меня. Оп-паньки, похоже, влип...

– Ребята, где здесь у вас отлить можно? – спросил я немного заплетающимся языком. – А то ищу-ищу сортир, заблудился даже.

«Ребят» вопрос не озадачил. Они молча направили меня по лестнице вверх, вывели в холл и указали на шикарные дверцы с женским и мужским силуэтом на них. Словно подпившие незнакомцы в поисках туалета здесь появляются по три раза на дню и надоели до зевоты.

Похоже, я выкрутился. Впрочем, что тут такого? Ну, перебрал за столом, вышел подышать, приспичило. Стал искать и забрел в какой-то подвал. Бывает. Теперь бы без шума вернуться за стол. Кое-что я узнал, будем копать в этом направлении дальше...

Но без шума уйти не удалось. У выхода из туалета меня поджидали все те же два охранника и мужчина лет сорока с резкими, неприятными чертами лица и пронзительным взглядом. На местного уроженца он не походил, был, скорее всего, кавказцем, но не ярко выраженным. Сразу было понятно, что это человек серьезный, пустяками не занимающийся.

– Баркаев, – представился мужчина, – служба безопасности президента. Документы ваши можно посмотреть?

– А в чем дело? – притворно возмутился я.

Баркаев, Баркаев... Что-то не припоминалось этой фамилии в ориентировках, которые показывал мне шеф.

– Ничего страшного, просто порядок такой. – Голос его оставался ровным и тон – сухим.

Я полез в карман куртки за паспортом и командировочным удостоверением. Охранники, стоявшие у меня по бокам, чуть-чуть напряглись. Но не слишком. Так, рефлексы сработали. Пока они считали меня безопасным.

Баркаев взял мои бумаги, сунул их в карман, не просматривая, и кивнул.

– Пойдемте, поговорим.

– О чем? – опять возмутился я.

– О жизни, – равнодушно ответил он и направился к лифту.

Мне, вежливо подталкиваемому охранниками, пришлось следовать за ним.

Кабинка поднялась на четвертый, самый верхний этаж. Здесь по идее находились только служебные помещения. Наверное, и мониторы установят, чтобы следить, не мухлюет ли кто-нибудь из игроков и не ворует ли крупье. Обязательно такая комната должна быть в казино. Человек так устроен, что не может пройти спокойно мимо вроде бы легких и ничьих денег.

Но в том кабинете, куда меня ввели, никаких мониторов не было. Стоял в углу большой «фунай» с видеоманитофоном на нем. У широкого окна имелся стол с вертящимися креслами за ним и перед ним. И все. Скучная обстановка. Деловая. В таком кабинете с секретаршей развлекаться не будешь.

Баркаев сел за стол, кивнул мне на противоположное кресло и движением руки отослал охранников. Я молча ждал. Возмущаться и качать права пока было бессмысленно. Ничего же страшного не произошло? Пока.

Достав из кармана мои документы, Баркаев открыл паспорт.

– Ознобин Денис Игоревич. Так? – Он поднял на меня взгляд.

– Именно, – подтвердил я.

Паспорт был подлинным.

– Приехал к нам из Москвы в командировку.

– Правильно, – опять согласился я.

Конечно, в командировку, а куда же еще?

– Цель командировки не указана.

– Такие у нас в институте бланки, – пожал я плечами.

Бланк был липовый, но соответствовал легенде.

– Так с какой же целью приехали? – спросил Баркаев.

Надо было немного погоношиться.

– А почему вы у меня это спрашиваете? – в моем голосе появился яд. Пусть не забывает, что я немного выпивший, а потому склонен к вздорности. – Вы что, милиция?

– Мы гораздо серьезнее, – спокойно ответил он. – Так что лучше отвечать на вопросы. Итак?

– Если не отвечу – что будет?

– Будет плохо, – задумчиво протянул Баркаев, словно размышлял, насколько плохо он может мне сделать. А он мог, это я чувствовал. Может быть, не нарываться пока?

– Ладно, скажу. Наш институт заключил контракт с одной зарубежной организацией. Некоторые люди там, за бугром, хотят найти своих родственников, пропавших во время войны.

– А по официальным каналам нельзя этого сделать?

– Слишком долго и дорого. Государство старается у иностранных граждан и организаций как можно больше валюты выманить. И работу исполняет плохо, спустя рукава. Мы же за гораздо меньшее вознаграждение делаем все быстрее и качественнее.

– Что же так дешевите?

– В наше время каждой копейке, вернее, каждому центу рад будешь. Это у вас тут, в провинции, жизнь дешевая. А в Москве, если меньше трехсот—четырёхсот долларов зарабатывать, – то ты почти нищий. Особенно, если семья есть.

– Но у вас-то нет?

– У меня нет, потому что боюсь на себя такую ответственность брать. Завтра уволят, и чем я жену и детей кормить буду?

Этаким простачком я выглядел, который за лишнюю зеленую бумажку что угодно сделает, хоть военные тайны распродаст оптом и в розницу. Удалось убедить сурового дядю или нет?

– И кого же вы приехали к нам искать?

Тут я выдал ему всю мою легенду по полной программе. Даже достал и продемонстрировал письмо некоей английской организации, которая по просьбе господина Милфорда Стейти разыскивает его брата Сергея Статина, пропавшего без вести в 1942 году на территории, которую занимает сейчас Республика Байчория. Черт его знает, может быть, и действительно существовали такие братья Стейти-Статины. Во всяком случае, быстрой проверке этот факт не поддавался. А через неделю меня здесь уже не будет.

Закончил я свой спич вежливейшей просьбой посодействовать в розысках, если есть такая возможность, конечно.

Другой бы на месте Баркаева уже извинился и отпустил меня восвояси. Но этот человек напоминал бультерьера, разжать челюсти которого, вцепившиеся в добычу, можно только неожиданно облив его холодной водой.

– Ну а здесь что делаете? Тоже пропавших родственников ищете?

– Почему? – изумился я. – Много слышал об этом проекте вашего президента, захотелось взглянуть. С чисто познавательными целями. А тут встретил приятелей, они пригласили на обед. Почему халявой не воспользоваться?

Слова мои Баркаева покорили. Ну, так ему и надо, не будет к людям приставать, бдительный. Надеюсь, что у Сашки, если его спросят обо мне, хватит ума не рассказывать, что я все еще военный.

– Что ж, вы меня убедили, – наконец подвел он итоги нашего разговора. – Свободны. Но мой вам совет: больше нигде ничего не вынюхивайте. Приехали в бумагах копаться – на здоровье. А кроме этого, никуда не суйтесь. У нас здесь не любят чересчур любопытных. Усвоили?

Я забрал документы со стола, рассовал их по карманам.

– Усвоил. Постараюсь вам больше не попадаться.

И пусть разбирается с двусмысленностью моей фразы...

Охранник у входа в гостиницу сказал, что журналисты уже уехали. Ничего, надо будет вечером Сашку навестить, узнать, на что же он намекал. А пока предстояло пройти пешком по морозцу. Я вышел из ворот комплекса и увидел знакомую серую «девятку». Ту самую, на которой сюда подъехал. Неужто ребята решили еще немного заработать и остались меня ждать? Действительно, что за простота нравов! Только вот Баркаев совсем не простой. Чувствую, будут у меня еще с ним неприятности.

Из приоткрывшегося окна машины мне махнули рукой. Особенно я не спешил, но решил все же воспользоваться предложением. Чего, правда, тащиться пешком! На этот раз второй парень сидел сзади, прямо за водителем. Я уселся впереди.

– Давай, ребята, в центр.

И почувствовал достаточно стойкий водочный запах. Неужто от меня так разит? Или ребята на грудь приняли? Что, «гиббоны» тут никого не ловят?

Автомобиль тронулся, но не к центру, а куда-то влево. Водитель тут же объяснил:

– На заправку заглянем. А то бензин почти на нуле.

Ну да, они же, пока меня дожидались, двигатель не выключали, чтобы не замерзнуть. Особенно спешить мне было некуда, и я благодушно кинул:

– Давай.

Сам же задумался о том, что успел увидеть и как бы попасть в тот подземный коридор еще раз...

Сзади завозились, и внезапно горло мне перехватила тугая петля. Водитель тут же прижал акселератор, машина рванулась вперед. Я захрипел, стараясь просунуть пальцы под проволоку, которой меня душили:

– Вы... что... парни...

– Молчи, сука! – прошипел тот, кто душил. – Молчи – живой останешься!

Банальное ограбление. Видели они у меня в бумажнике доллары, когда расплачивался, вот и решили поживиться...

В критических ситуациях я не теряюсь, не ищу лихорадочно хоть какой-то выход. Здесь мое счастье было в том, что торопливо накинутая петля попала не совсем на горло, а захлестнула край толстого воротника зимней куртки, и дышать я пока мог. Чем и воспользовался, не дожидаясь, пока «девятка» выберется совсем уж в безлюдное место. Напрягся, подтягивая вперед душившего, потом резко привстал и ударил назад головой, целясь в лицо. Моя вязаная шапочка немного смягчила удар, но все же досталось ему хорошо. Раздался мягкий хруст, он завопил, и проволока ослабла совсем. Видно, нападавший выпустил ее из рук, схватившись за разбитое лицо. Второго я вырубил коротким тычком слегка согнутых пальцев в шею. Удар болезненный, но не смертельный. Перехватил руль, резко дернул его и загнал машину в высокий плотный сугроб у дороги. Задний еще раз приложился лицом, теперь уже о спинку моего сиденья. Ему должно было этого хватить. Я содрал с шеи провод в красной обмотке, вздохнул полной грудью. Хорошо, что это была не какая-нибудь струна от рояля, которой запросто можно перерезать горло. Но все равно неприятно...

Мотор у «девятки» заглох. Мы прочно сидели в сугробе. Теперь следовало разобраться с моими налетчиками. Я развернулся, чтобы удобнее было видеть обоих, ощупал карманы водителя, откинувшегося на дверцу с закаченными глазами. Огнестрельного оружия у него не было, только массивный кастет с шипами. Таким если попадешь, мало не покажется. Но если они и раньше промышляли подобными делами, должны были знать, что человек с накинутой на горло удавкой становится практически беспомощным. Зачем еще оружие?

– Ну ты, сопля! – обратился я к стонущему «душителю». – Выворачивай карманы!

Тот подчинился. Какого-нибудь завалящего пистолета не было и у него, один спринг-наиф, да и тот хиленький, германская дешевка. Лезвие у таких ломается в самый неподходящий момент, и кнопка перестает держать запор. Действительно, сопляки и дилетанты. Только вот что это они среди бела дня решились на такое? Чумная какая-то отвага...

Я кинул налетчику с разбитым лицом его же носовой платок.

– Утрись! И рассказывай, с чего вдруг решили меня грабить?

– Мы не собирались грабить, – прохныкал он, вытирая кровь.

– Какого же хрена на меня напали? – удивился я.

Он помялся, потом все же ответил:

– Григорий велел попутать, отвезти за город и там высадить.

Мне сразу же вспомнился самоуверенный знакомый Риты. Ну, шустряк! И ведь срок, который он мне дал, чтобы переехать, еще не закончился, а уже начались боевые действия. Конечно, если все его подручные, как эти двое, то особенно беспокоиться не стоит, как-нибудь управлюсь... Ну а налетчиков надо все же наказать.

Я перетащил пока не пришедшего в себя водителя на правое кресло, а сам сел за руль. Второй был настолько деморализован, что я его не опасался. Километрах в пяти от города они и остались на холодном, продуваемом зимним ветром шоссе. Это при том, что одеты были в легкие курточки и еще не до конца очухались после моей атаки. Ничего, будут знать, кого трогать. Доберутся как-нибудь.

Глава 7

«Девятку» я бросил почти в самом центре города, но ключи от нее швырнул в речушку, протекавшую неподалеку. Не пакости мелкой ради, а так, для порядка. Ведь расслабился, лопух, и их план вполне мог удалиться, не попадись под проволоку воротник куртки. Старею, что ли? Или так подействовала местная обстановка, тихая и сонная? А ведь здесь люди пропадают, и бродит нехороший человек Баркаев, который мне угрожал. Так что нельзя благодушничать, ни в коем случае нельзя...

На сегодня еще оставались кое-какие дела. И не только чтобы показать, что я именно тот, за кого себя выдаю, а и в плане настоящей работы. В бумагах, что показывал мне шеф, были некоторые предположения, и их необходимо было проверить. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что искать надо в другом направлении...

Когда я добрался до дома Риты, хозяйка уже вернулась с работы. Встретила она меня укоризненным взглядом, и я сразу же стал извиняться за то, что не явился к обеду.

– Бог с тобой, Денис! – рассмеялась она. – Ну, не получилось, ну, друга встретил. Ничего страшного! Скажи лучше, Григорий не объявлялся? Не верится мне, что он вот так просто отстанет.

– Да как сказать... – ответил я уклончиво. Не хотелось мне посвящать ее в историю с налетчиками. – Не думай ты об этом олухе. Вот о ком лучше расскажи. Знаешь такого – Баркаева?

Она задумалась.

– О нем мало что известно. У президента есть своя гвардия – служба безопасности. Немногочисленная и очень засекреченная. Как тонтон-макуты на Гаити. Баркаев у них главный. Чем они занимаются – тоже никто не знает. Шепотом рассказывают, что им поручено выполнять самые темные и грязные дела. Конкретного ничего нет.

– Давно эта служба появилась?

– Примерно год назад пошли слухи. Баркаева я один раз видела издалека. Он не очень на людях показывается. По-моему, ужасно неприятный тип. А что, ты с ним тоже поссорился?

– Да нет, просто слышал кое-что, вот и интересуюсь.

– Ну-ну... – сказала Рита. – Ты ужинать будешь?

– Ох, не сейчас, наверное. Может быть, попозже. Я ведь на званом обеде присутствовал, не забывай.

– Представляю себе... Ну, тогда и я позже поужинаю. Тебя дождусь.

– Я на минутку заскочил, чтобы сообщить, что со мной все в порядке.

– Опять уходишь?

– Ненадолго. Через часик от силы вернусь. Так что ужинай спокойно и не переживай из-за этого.

Рита молча пожала плечами и ушла к себе в комнату. Кажется, мое равнодушие и деловитость ее задела. Ну а что тут сделаешь?

Хотя на улице уже смеркалось, горели пока только редкие фонари. Дом, где остановился Сашка сотоварищи, находился едва ли не на другом конце города, но ловить такси или частного я не стал. А то опять ретивые хлопцы Григория навалятся. Легче пешком прогуляться. И для здоровья полезнее – горло после проволоочной удавки слегка саднило.

Зимний город, присыпанный пушистым снегом, выглядел все таким же спокойным, но отсутствие большого количества фонарей придавало ему некоторую тревожную загадочность. Дешевой выкидухи не жалко, а вот кастет, что я отобрал у налетчиков, зря выбросил. Какое-никакое, оружие все же. Ладно, в случае чего и голыми руками отбьюсь. Не будут же в меня стрелять? Не за что, вроде. Пока...

Загайнов встретил меня очень радушно. Похоже, ставропольская бригада как начала застолье в казино, так и не стала останавливаться. Опять Егор завтра с утра будет ходить мрачнее тучи. Когда же они пишут?

Меня тут же усадили за накрытый стол и потребовали героических историй из жизни Сашки. Врать я не стал, так, слегка приукрасил, как мы отважно сражались с чеченскими боевиками. Не люблю вспоминать это мерзкое время, но тут деваться было некуда. Постарался только рассказывать разные смешные случаи. Загайнов хмыкал, но не вмешивался, тем более что выглядел он в моем изложении этакой помесью Шварценеггера со Сталлоне.

Под разговоры уговорили бутылку. Закуска была, конечно, победнее, чем днем, но все же неплохой. Не так уж мало платят провинциальным журналистам. Или это оппозиция постаралась?

Спустя какое-то время поток моего красноречия иссяк. Егор и Валентина отправились смотреть телевизор, а мы с Сашкой остались за кухонным столом. Я все ожидал серьезного разговора, и он начался.

– Ты что-нибудь знаешь о строительстве аэропорта? – с равнодушным видом спросил приятель.

Не об этом я хотел поговорить. Но все же ответил:

– Ну, строится здесь что-то. Насколько мне известно, обычная волынка. Такими темпами они его до второго пришествия лепить будут.

– А размеры тебя не смущают?

– Не очень. Местный президент все с размахом делает. Ты казино сегодня видел?

– Все равно. Великоват аэропорт для такой маленькой республики.

– Так вы за этим сюда приехали?

– Приехал! – подчеркнул он.

– Может быть, ты и не журналист вовсе?

– Отчего же. И журналист тоже. Ты ведь тут не просто так?

Врать не хотелось, но и правду сказать я не мог.

– Мои дела никак с аэропортом не связаны. Совершенно другое.

Он удовлетворенно кивнул.

– Не хочешь говорить – не надо. Пойдем, покурим.

Накинув куртки, мы вышли во двор. Удобной курилки в ванной, как у Риты, здесь не было.

– Кроме того, что я работаю в газете, мне приходится выполнять и кое-какие поручения, так сказать, деликатного характера, – доверился Сашка. – Вот сейчас нужно разобраться с аэропортом. Ну, слишком он большой! Для чего-то же это нужно?

– А что, местные органы не могут узнать, в чем тут суть?

– В том-то и дело. Местных он под себя давно подмял. Совсем уж строптивых выпихнул из республики, на их места своих людей посадил. Умный мужик, хотя и молодой, нельзя не признать. Вот есть здесь такая служба безопасности президента. Заправляет ей некто Баркаев. Слышал? Очень темная личность. Чеченец, приятель Басаева. Есть сведения, что он налаживал поставку через Грозный наркотиков в Москву. В больших количествах. И к фальшивым авизо, когда в Чечню перекачивали миллиарды, тоже руку приложил. Но ущучить никак не удастся. Президент за него горой стоит. Так не потому ли этот Баркаев здесь возник, что готовится еще какая-то операция? Может, слышал что-то о нем?

Пришлось рассказать о своей встрече с мрачным начальником службы безопасности. Загайнов заинтересовался жутко, все выпрашивал подробности. А что я такого уж мог ему поведать? Только свои неприятные впечатления. О нападении на меня сообщать не стал. Сам разберусь.

– Тебе очень нужно здесь оставаться? – спросил наконец Сашка.

– В каком смысле? – не понял я.

– Ну, очень у тебя важное дело? Нельзя раньше уехать? Например, завтра.

Я рассмеялся.

– Чего это ты такой пуганный?

– Просто читал досье Баркаева и думаю, что если он тобой заинтересовался, то теперь не отстанет. А такие люди сначала стреляют, потом уже разбираются, кого убили.

– Сашка, ты совсем с ума сошел! – искренне сказал я. – Подумай, кто будет убивать какого-то майора ни за что, ни про что? И уехать я не могу, начальство шею намылит. Вот закончу дела и отвалю.

– Смотри, я тебя предупредил... Будь, ради бога, поосторожнее. И не суй нос куда попало.

– Вот-вот, Баркаев тоже так говорил. А ты как же?

– У меня работа.

– Скажешь тоже, работа! Призвание!

– Ну, может и так, – покладисто согласился он.

– Да, – спохватился я, – ты же на что-то намекал!

– Не хочется тебя в это дело впутывать, – вздохнул он. – Но раз уж все равно здесь пока остаешься – не сочти за труд, сообщай мне, если что-нибудь интересное узнаешь.

– Насчет аэропорта?

– Да. Ну и так... – он неопределенно покрутил пальцами.

– Договорились... Ладно, пойду я. Топать далеко. С коллегами попрощайся за меня.

Но ушел я недалеко. Хорошо, что мы стояли на воздухе и глаза успели привыкнуть к вечернему сумраку. Как только за мной закрылась калитка, на противоположной стороне улицы метнулась тень, раздался негромкий щелчок, и в железные ворота рядом с моей головой звонко щелкнула пуля. Мирный город продолжал удивлять. В меня стреляли из пистолета с глушителем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.